1924 B

ДОКЛАДЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

АПРЕЛЬ — ИЮНЬ

COMPTES RENDUS
DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES DE RUSSIE

AVRIL — JUIN

Арктический Институт
Академии Наук СССР.
357(2)

ЛЕНИНГРАД — LENINGRAD

Доклады Российской Академии Наук 1924.
Comptes Rendus de l'Académie des Sciences de Russie.

А. Н. САМОЙЛОВИЧ. К истории и критике Codex Cumanicus. [A. SAMOJLOVIČ. Sur l'histoire et la critique du Codex Cumanicus].

(Представлено академиком В. В. Бартольдом в ОИФ 9 IV 1924).

Последним, кто касался вопроса о происхождении известного памятника половецкого языка, был проф. В. Банг, который в заметках «Notizen zur Geschichte des Codex Cumanicus», приложенных к его статье: «Beiträge zur Kritik des Codex Cumanicus» (1911 г.) высказал мнение, что вторая — немецкая часть кодекса составлена немецкими монахами Францисканского ордена и что первая — латинская часть, составление которой обычно включительно до новейших работ приписывается итальянским купцам, вероятнее всего принадлежит, судя по подбору материала, тоже миссионерам какого-нибудь ордена или братства, имевшего патроном евангелиста Иоанна, ибо заглавие первой части гласит, что труд был предпринят «ad honorem dei et beati Johannis Evangelistae». Проф. Банг допускает далее, что обе части были составлены францисканцами, немецкими и итальянскими, и не среди венгерских, а черноморских куманов. Окончательное решение этих вопросов проф. Банг справедливо ставит в зависимость от нового издания кодекса. В тех-же «Beiträge» проф. Банг (стр. 15) ставит в вину акад. Залеману, что он дважды в своей заметке «Zur Kritik des Codex Cumanicus» (1910 г.) относит этот памятник к XIII веку, и чрез несколько страниц (34) Банг пишет: «Наш кодекс был начат в 1303 году (некоторые листы или места немецкой части могут пожалуй быть старее)». К. Г. Залеману эта дата, конечно, была известна, как и акад. В. В. Бартольду, который в «Истории изучения Востока в Европе и в России» (1911 г.) назвал Codex Cumanicus с полным правом «любопытным памятником... практического ориентализма XIII—XIV вв.» (стр. 75). Ведь если-бы даже вышеуказанная дата отмечала не начало изготовления рукописи кодекса, а начало собирания для него материала, то языковой материал, собиравшийся в начале XIV века, характеризовал-бы все-же более язык минувшего, XIII века, чем только что наступившего XIV-го, но нет никаких оснований утверждать, что с 1303 г. начались одновременно собирание материала для кодекса и его кодификация. И Бляу в свое время последовательно относил материал кодекса к XIII веку.

Упоминание в недавно вышедшей на казанско-татарском языке «Истории татарской литературы» А. Азиза и Али-Рахима[1] куманских названий месяцев в искаженном виде по статье Бляу побудило меня пересмотреть соответствующее

[1] Казань, 1922 г., т. I, вып. I, стр. 47.

место первой части Codex Cumanicus, т. е. латинско-персидско-куманского словаря, и оказалось следующее. Латинскому столбцу 12 месяцев от januarius до december в персидском столбце соответствуют арабские названия лунных месяцев мусульманского года, причем, по изданию Куна, месяцу маю латинского столбца в персидском соответствуют два арабских месяца: джемадиуль-ахыр и реджеб, помещенные в обратном порядке и в искаженной транскрипции, а против месяца декабря в персидском столбце пробел; январю соответствует сафар, а ноябрю — мухаррем, причем последние два названия оказываются и в составе третьего, куманского столбца на ряду с 10 названиями уже не арабскими по солнечному календарю. Описанное соответствие мусульманских месяцев латинским наблюдалось в ближайшее к 1303 году время в наиболее полном виде в 1294 г., т. е. на 9 лет ранее, в конце XIII века, когда 1 января 1294 г. соответствовало 1 сафара 693 г. Хиджры, когда в конце мая месяц джемадиуль-ахыр сменялся реджебом и когда мухаррем следующего 694 г. Хиджры начинался 21 ноября 1294 г., а заканчивался 21 декабря, почему в кодексе декабрь и оказался без особого соответствия в персидском столбце. Через 23 года после 1303 г., т. е. в 1326 г. описанное соответствие повторилось, но уже не вполне; именно начало месяца реджеба совпало не с концом мая, а с началом июня. Мы имеем поэтому право утверждать с достаточной определенностью, что материал по мусульманским месяцам для персидского столбца кодекса и по половецким — для куманского столбца был записан не в XIV, а в XIII веке, за 9 лет до начала изготовления рукописи первой части кодекса.

После этого маленького разъяснения к истории Codex Cumanicus, сделаю два замечания к его критике. По изданию Куна при наличном материале о народных названиях месяцев у турецких племен[1] не представляется возможным дать надежную дешифровку названий половецких месяцев кодекса; дешифровка Бляу, принятая Куном и акад. В. В. Радловым, вызывает ряд сомнений. Подмеченная Бляу группировка месяцев по-три соответственно четырем временам года проведена далеко не вполне: 1) два месяца обозначены именами мусульманско-арабских лунных месяцев (январь и ноябрь), 2) из трех осенних месяцев название третьего вызывает некоторое сомнение, из трех зимних наименованы по подмеченной Бляу системе только два, совершенно отсутствуют соответствующие названия летних месяцев, названия первого и особенно третьего весенняго месяца тоже вызывают сомнение, 3) названия месяцев февраля, апреля и декабря совершенно не соответствуют, как отмечено и Бляу, указанной системе. Представляется кроме того весьма странным, что осенние месяцы приходятся на летний сезон (июнь, август), зимние же начинаются ранней осенью, с сентября. Казас включил в словарь Радлова три сохранившихся у караимов турецких названия месяцев, которые еще приведены в «Подробной истории» Хасан Ата на казанско-татарском языке и которые должны были представлять в данном

---

[1] Краткие данные для XI в. находим у Махмуда Кашгарского, I, 291.

случае интерес в виду культурной, по крайней мере, связи караимов с половцами и хазарами, но оказывается, что только одно название «кўз ай» (осенний месяц) имеется в кодексе, причем однако по кодексу так называется июнь, а по караимски сентябрь-октябрь. Караимское название для июля-августа «чўрўк ай» (гнилой месяц) известно для июля лишь в Трапезундском вилаете, а караимское название для ноября-декабря «согум ай» (месяц убоя скота) употребляется еще только киргиз-казаками для декабря. Все-же между караимским и киргиз-казацким названием декабря с одной стороны (согум ай) и половецким названием декабря с другой (азук ай) можно усмотреть некоторую близость, ибо оба названия обозначают продовольственные запасы. Приняв дешифровку половецких месяцев Бляу, В. В. Радлов в своем словаре воздержался от повторения переводов названий этих месяцев, предложенных Бляу, который без всяких оговорок перевел «кўз ай» чрез «Sommermonat» и «кыш ай», чрез «Herbstmonat», очевидно, с целью таким оригинальным способом устранить отмеченное нами несоответствие между названиями месяцев и временами года. Итак, я считаю, что вопрос о половецких названиях месяцев в кодексе остается в значительной мере открытым.

В упомянутой выше «Истории татарской литературы» кроме искаженных названий половецких месяцев приводится между прочим еще одна половецкая загадка (стр. 48), которая, по моему, несомненно скрывает в себе маленькое, ни одним из исследователей загадок Codex Cumanicus'a не замеченное недоразумение. Вот эта загадка, как она издана Куном (стр. 146, № 37):

bu bardi izi joh. — ol kema dir.

Переводы:

Кун (155) — Abiit, vestigium non est. I. e. navis.
Радлов — Er fuhr und liess keine Spur. Das Boot.
Банг — Dies geht und hat doch keine Spur. Das Schiff.
Немет — повторил перевод Банга.

Изданное Бангом факсимиле листа 60, на котором находятся загадки, свидетельствует, что чтение Куна верно, но я позволяю себе утверждать, что кодекс в данном случае неверно зафиксировал половецкое народно-словесное произведение, тем более что, по предположению Банга (стр. 334—5), кодекс сохранил нам лишь копию более старой записи загадок, исполненную невнимательно. Меня давно смущало одинокое указательное местоимение «бу» в начале загадки, сообщавшее ей неестественный, искусственный, необычный для народных турецких загадок характер:

«Это (sic!) поехало, следа от него нет».
Отгадка — «лодка».
«Dies (sic!) geht und hat doch keine Spur».

Путь к вероятному исправлению текста был мне впоследствии предуказан одной якутской загадкой, которую я прочел только в русском переводе в сборнике Тологонского «Якутские пословицы, загадки и пр.» (Иркутск, 1914 г.):

«Кобыла пробежала и следа не оставила».
Отгадка — «лодка».

Не пустое «бу» — «это», а какое-нибудь живое существо должно было несомненно упоминаться и в оригинале половецкой загадки, хотя бы та-же самая кобыла, хорошо, конечно, знакомая степнякам-куманам. Как раз в отгадке к загадке № 33 упоминается кобыла — «bey»; это — случайно — единственное упоминание кобылы во всем кодексе. Едва-ли можно признать совершенно невероятным искажение при невнимательной копировке начертания «bey» в «bu». Но возможно и другое, еще более для меня приемлемое исправление. Не отмеченное кодексом слово «бугу» (лось, олень) известно и степнякам киргиз-казакам, и оседлым среднеазиатцам, и турецкому населению Кавказа. Если оно именно стояло в начале и разбираемой половецкой загадки, против вероятности чего возражать тоже нельзя, то оно при записывании легко могло быть воспринято, особенно при произношении «буу» (без «г»), как местоимение «бу». Чтение «буу» (buu), весьма близкое к «бу» (bu) удобно и со стороны метра, ибо дает нам обычный в загадках, пословицах и песнях семислоговой стих:

Буу барды, изи йок —
Олень (лось) пошел, следа нет.

Проф. Банг в предисловии к своему опыту перевода куманских загадок говорит (стр. 335): «При таких загадках, которые, как, например, про «яйцо», про «лодку», являются общим достоянием всех литератур, я не заботился приводить внетурецкие параллели, так как по-моему от этого не было бы действительной пользы. Напротив, весьма полезным оказываются для выяснения, равно как и для исправления испорченых мест: метрическая форма, часто встречаемая аллитерация, симметричное расположение частей стиха (параллелизм) и наконец то обстоятельство, что во многих из наших загадок предметы изображаются чрез персонификацию». Но ни при загадке про «яйцо» (№ 5, стр. 337), ни при загадке про «лодку» Банг не приводит не только внетурецких, но и турецких параллелей, которые, по моему, именно при загадке про «лодку» были бы весьма уместны. С другой стороны, при моем опыте исправления загадки про «лодку» использован изложенный Бангом метод критики текста загадок, к которому он сам в данном случае не обратился. Не только разобранная нами, но и целый ряд других половецких загадок Codex Cumanicus'a нуждается в критическом рассмотрении. Не напечатанная новая работа об этих загадках акад. В. В. Радлова тоже не разрешает еще всех сомнений. Имея факсимиле, мы должны при пересмотре загадок возлагать надежду на помощь от сравнительного изучения загадок турецких народов, собирание коих необходимо продолжить, сообщив ему планомерность.